

Е.В. Иванова

**А.М. РЕШЕТОВ.
ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ УЧЕНОГО**

Впервые Кюнеровские чтения состоятся без Александра Михайловича Решетова — человека, благодаря которому возникла эта научная трибуна, просуществовавшая уже 32 года и позволившая выходить за пределы узкого профессионального круга, находить радость в общении с коллегами-востоковедами, в совместном с ними размышлении о судьбах народов Азии (и не только Азии), их истории и культуре, о нашей этнографической науке.

А.М. Решетов, для всех нас — коллега, для многих — друг и мудрый советник, был человеком необычайно широкого диапазона научных интересов. Его кипучая энергия нашла выход в массе работ на темы, волновавшие его в течение всей жизни или в отдельные ее периоды, и он останется в нашей памяти яркой личностью, ученым, глубоко погружившимся в недра этнографической науки, исполнившим особую миссию — возвращение в историю отечественной науки ученых-эмигрантов и исследователей, подвергшихся в недобрые времена, как принято говорить, «необоснованным репрессиям». Многие годы он с упоением работал над Биобиблиографическим словарем антропологов и этнографов XX в., но, к великому сожалению, не дожил до его издания.

Работая с 1960-х гг. в одном отделе (Зарубежной Азии Ленчасти Института этнографии АН СССР, ныне — МАЭ РАН) с Александром Михайловичем, я, тем не менее, не представляла в полной мере размаха его научной деятельности, в значительной мере протекавшей вне стен Кунсткамеры, но нашедшей отражение в публикациях, а во всей совокупности — в списке изданных им работ. Список этот, подготовленный А.А. Бурькиным, за что ему — особая благодарность, был приложен к сборнику статей под названием «Проблемы общей и региональной этнографии», изданному МАЭ РАН в честь 75-летия А.М. Решетова в 2007 г.

По этому списку отбирались труды А.М. для выставки, созданной сотрудниками нашей библиотеки. Мы сердечно благодарим их за этот труд.

За прошедшие с тех пор два года перечень сочинений Александра Михайловича пополнился многими новыми работами и продолжает пополняться и после кончины ученого (так, в недавно вышедшем в свет сборнике в честь Е.В. Ревуненковой и А.К. Оглоблина напечатана его статья «Китайская община в Малайзии (некоторые аспекты исторического развития)»). В дополненном виде список работ А.М. Решетова опубликован в недавно вышедшем Сборнике МАЭ «Восточная Азия: вещи, история коллекций, тексты».

Я внимательно изучила этот список (в нем более 600 работ, написанных Александром Михайловичем на протяжении 50 лет научной деятельности) и хочу поделиться своими впечатлениями от прочтения этого длинного перечня — свидетельства непрерывной бурной активности ученого.

А.М. Решетов закончил кафедру истории стран Дальнего Востока с дипломом китаиста-историка. Ему посчастливилось попасть на четыре года в Китай, встретиться там и подружиться с выдающимся ученым, антропологом и этнографом Н.Н. Чебоксаровым, оказавшим на молодого историка Китая чрезвычайно сильное влияние, пробудившим в историке этнографа. (Данью любви и уважения к этому удивительному человеку стала большая статья о нем А.М. Решетова в сборнике «Выдающиеся антропологи и этнографы XX века», изданном Институтом антропологии и этнографии в Москве в 2004 г.)

Выбор темы диссертации, над которой А.М. стал работать, вернувшись в Институт этнографии, историко-этнографический очерк о небольшом таяязычном народе Южного Китая — буи, был сделан по совету Н.Н. Чебоксарова, он же стал научным руководителем диссертанта. Мне кажется, что акцент на некитайском этносе Китая с первых шагов научной работы А.М. Решетова определил ее дальнейшую направленность — с преимущественным вниманием к национальным меньшинствам, их этнической истории, их судьбам — рядом с большим народом, к гетерогенности большинства этносов. Его, как и руководителя, интересовало этническое многообразие населения Китая (и всего мира). Вместе с Н.Н. Чебоксаровым он посетил Южный Китай, своими глазами увидел этническую пестроту его населения, ему были доступны китайские работы об этих народах.

Другой его Учитель — многогранный ученый Н.В. Кюннер — не только направил исследовательскую мысль Александра Михайловича в сторону Тибета но и, подобно Н.Н. Чебоксарову, заразил ученика «энциклопедизмом».

Одна из первых работ Александра Михайловича (1964 г.) посвящена новым антропологическим материалам из Тибета, в 1969 и 1973 гг. он

опубликовал две статьи с результатами исследования тибетской коллекции МАЭ, в 1972 г. произнес доклад о полиандрии и полигамии у тибетцев, в 1975 г. — о социально-экономических отношениях у тибетцев в конце XIX — начале XX в. Увлёкся изучением малых тибетоязычных этносов Китая, и в 1964 г. на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук сделал доклад о матрилинейной организации у наси, привлекая внимание китайских этнографов и переведенный на китайский язык, в 1967 г. написал статью об общине у лису.

Прочим некитайским народам Китая — тайским, мон-кхмерским, монгольским, тюркским, ираноязычным, японцам, русским, этническому составу населения отдельных районов (Южного, Северо-Западного, Восточного Туркестана и др.) и страны в целом — были посвящены его многочисленные выступления на научных форумах и публикации в различных изданиях. В изданной Институтом этнографии АН СССР монографии о типах традиционного жилища в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии ему принадлежит глава о жилище некитайских народов Южного и Юго-Западного Китая. В Сборниках МАЭ опубликованы две его статьи о традиционной одежде — тайских народов (в томе 23-м) и малых народов Китая (в томе 32-м).

Китаистов, собиравшихся в Москве на ежегодные конференции «Общество и государство в Китае», он просвещал докладами — об уровне консолидации китайского этноса в конце XIX — начале XX в., о китайцах (хань) в свете теории этноса, литературе и фольклоре малых народов Китая на китайском языке, об этнических процессах в Северо-Западном Китае, народностях эйну, об ойратах, кыргызах, тувинцах и алтайских урянхайцах, о мяо и яо, проблемах этногенеза и современного развития аустронезийских народов Китая. В Уфе докладывал о том, как обстоят дела с этнической картографией в КНР (1985), в Алма-Ате — об изучении этнического состава населения страны в самом Китае (1989 г.).

Практически во всех энциклопедиях и справочниках о народах мира, изданных в последние десятилетия в нашем отечестве, — Советской исторической энциклопедии, БСЭ, БРЭ, Народы и религии мир, Народы мира, Югория, Российская музейная энциклопедия, Народы Крайнего Севера и Дальнего Востока России в трудах исследователей, Северная энциклопедия, Башкирская энциклопедия, Воронежская историко-культурная энциклопедия — мы встречаем статьи о малых народах Южного и Северного Китая, Монголии и других стран Азии, Сибири и об исследователях-этнографах, написанные (иногда — без указания авторства) Александром Михайловичем Решетовым.

Александра Михайловича волновала проблема китайской диаспоры — он пишет о китайцах как составной части населения Сингапура, Океании, Индонезии и Филиппин, в Науру, на Фиджи, о китайцах-мусульманах в Китае и странах ЮВА, о китайцах в Санкт-Петербурге. Его неохладевающий интерес к дунганам (полевая работа в 1970-е гг. в составе уйгуро-дунганского отряда ИЭ АН СССР и последующие публикации) объясняется тем, что это китайцы-мусульмане, переселившиеся в Среднюю Азию. В сборнике в честь 70-летия Д.О. Ольдерогге была напечатана его статья «Изменение в терминологии родства у современных зарубежных китайцев» (1973). В его домашнем архиве накопился большой любовно собранный материал по китайской эмиграции во всех частях света, который должен был быть осмыслен с этнографической точки зрения. Однако Александр Михайлович отказался по каким-то причинам от разработки этой темы в докторской диссертации и занялся исследованием проблемы этнического состава КНР, и упомянутые выше публикации — свидетельство этого переключения. Эта работа была практически закончена — но тут А.М. Решетова захлестнула волна увлеченности, перешедшей в одержимость, темой репрессированной этнографии и — шире — истории отечественной этнографии, и он охладил к своей защите...

Глубокий интерес проявлял А.М. Решетов к проблемам происхождения и древней истории изучаемых народов. С первых своих шагов в науке он неизменно следовал принципу комплексного подхода к изучению происхождения народа — с учетом данных языковых, антропологии, археологии, устных преданий и письменных источников (при отсутствии таковых у некоторых народов — сведений из исторических сочинений цивилизованных соседей), этнографических данных. Именно таким подходом отличаются соответствующий раздел в его диссертации о буи, статьи «ЮВА как историко-этнографическая область», «Основные вопросы древнейшей истории юга Восточной Азии» (так завуалировано назван Южный Китай по цензурным соображениям того времени — был 1968 г.), «Антропология и этнография о происхождении китайцев» (написанная в соавторстве с Н.Н. Чебоксаровым, эта работа была включена в сборник статей советских этнографов, переведенных на несколько европейских языков, изданный в 1973 г. в Москве Институтом этнографии), «Проблемы этнографии древних юэ в современной науке».

Какое же место занимали китайцы самого Китая в кругу интересов ученого? Рискну высказать такое предположение: Александр Михайлович стал сотрудником Института этнографии (был принят в 1956 г.,

в начале 1957 г. уехал в Китай на стажировку, вернулся в 1961 г.) в то время, когда уже шла работа над томом «Народы Восточной Азии», осуществляемая совместными усилиями сотрудников сектора Зарубежной Азии Москвы и Ленинграда под руководством Н.Н. Чебоксарова. Роли уже были распределены — разделами о китайцах занимались Г.Г. Стратанович, В.С. Стариков, Н.Н. Чебоксаров, Р.Ф. Итс. Так как в считавшемся единым секторе было достаточно китаистов, новые сотрудники, китаисты по образованию, Р.Ф. Итс, Ю.М. Маретин, А.И. Мухлинов, Е.В. Иванова, уже в аспирантуре были переориентированы на занятия другими народами Китая (Итс написал кандидатскую диссертацию о мяо Южного Китая, а докторскую — о проблемах этногенеза нескольких некитайских народов этого региона Китая) или соседних азиатских стран, по которым готовился том «Народы Юго-Восточной Азии» (Маретин стал индонезистом, Мухлинов — вьетнамистом, Иванова — таиландистом).

Не избежал этой участи и А.М. Решетов — он оказался в стороне от написания разделов о китайцах, и его научной «нишей» стали малые народы Китая. Но это обстоятельство не могло, разумеется, заглушить его интерес к проблемам этнографии «титულიвой нации». Он автор статьи «Китайцы» в БРЭ и в энциклопедии «Народы и религии». Помимо упомянутой работы о происхождении китайцев А.М. Решетов размышлял о «китайском (ханском) этносе во времени и ареально-культурном измерении. Попытался разобраться в этнической своеобразии и уровне этнической консолидации хуэй (этноконфессиональной группы внутри ханского этноса, исповедующей мусульманство), написал статью о литературе народности хуэй Синьцзяна (была переведена в 1994 г. на китайский язык). На российско-финской конференции по ЮВА в Петербурге выступил с докладом о китайцах-мусульманах в Китае и странах ЮВА (1998). Его перу принадлежит ряд статей, в которых рассматриваются разные аспекты китайской традиционной культуры — о древних земледельческих орудиях, китайском Новом годе, о боге очага Цзао-ване, китайском благожелательном символе жуи, не обошел вниманием дракона (осветил его роль в китайской культурной и политической традиции), мифологического зверя цилинь, черепахе (рассмотрел культ этого животного в Китае), феникса, разобрался в системе личных имен у китайцев (в соавторстве с М.В. Крюковым), размышлял о литературе на разных диалектах китайского языка, о детских играх, значении трудов членов Российской духовной миссии в Пекине для этнографии китайцев.

В Сборнике МАЭ (т. 35) рассказал о китайских коллекциях Петровской Кунсткамеры в собрании МАЭ, вместе с Р.А. Ксенофонтовой —

о ранних китайских коллекциях. Написал работу «Первые китайские коллекции этнографического отдела Русского музея» (1992).

Значительное место в научной деятельности А.М. Решетова заняла этнография монголов. Создавая в 1964 г. путеводитель по новой монгольской экспозиции МАЭ, а в 1965 г. отправляясь с тремя сотрудницами в «комсомольскую поездку» по МНР, А.М. не мог предвидеть, что в 1980-е гг. будет включен в советско-монгольскую историко-культурную экспедицию и в течение нескольких лет будет иметь возможность с наслаждением отдаваться полевой работе в этой стране, вместе с отечественными монголоведами и монгольскими учеными будет отчитываться о задачах и ходе работы, а потом — об итогах экспедиции, писать о современных этнокультурных процессах у народов Восточной Монголии, об этническом составе населения Баянхонгорского аймака МНР, этнографическом картографировании в МНР, этническом составе тюркских народов страны, основных проблемах этнографии халха и т.д. В 1987 г. в 41-м томе Сборника МАЭ Александр Михайлович опубликовал статью «Монгольский цам в коллекциях МАЭ».

В соавторстве с антропологом И.И. Гохманом А.М. Решетов написал статью «О южных границах североазиатских монголоидов в древности», на V Международном конгрессе монголоведов выступил с докладом «Центральная Азия как историко-этнографическая область».

Радостям полевой работы А.М. предавался не только в Монголии. На заре своей этнографической деятельности в Институте этнографии в 1962 г. он ездил с сибиреведом Е.Д. Прокофьевой к селькупам. И много лет спустя, обратившись к материалам этой экспедиции, на конференции в 1981 г. в Томске выступил с докладом об экологии и хозяйственно-социальной жизни селькупов в конце XIX — начале XX в. и еще раз вспомнил об этом путешествии в 1995 г. Этнографии Сибири он уделял серьезное внимание. Вспоминается его и Бориса Петровича Полевого статья «В.К. Арсеньев как этнограф» в журнале «Советская этнография» (1972), вызвавшая неожиданную дискуссию (авторов упрекали в преувеличении влияния Л.Я. Штернберга на В.К. Арсеньева). Доклад на XIV Тихоокеанском конгрессе (в соавторстве с Ч.М. Таксами) был посвящен историческим судьбам малых народов Приамурья и Сахалина. Александром Михайловичем были написаны статьи об одном ненецком предании, о направлениях развития тувинского этноса. На Международной алтаистической конференции прозвучал его доклад о проблемах этнокультурного развития хамниганов, на IV Всесоюзной школе молодых востоковедов — подготовленный совместно с Л.Б. Ермоловым доклад о якутах в Маньчжурии. На Сибирских чтениях в МАЭ

он делился со слушателями мыслями о прикладном значении научных исследований А.А. Попова и о расселении и классификации тунгусо-маньчжурских народов.

В 1970-е гг. начались его поездки к дунганам, а затем и уйгурам Средней Азии, давшие обильную информацию для размышлений, вылившихся в серию публикаций — о соотношении традиционной и современной культуры дунган, формировании и развитии дунганского литературного языка, соотношении языка хуэй и дунганского, духе дома у дунган. В 1983 г. вышла статья А.М. о дунганской коллекции МАЭ.

Уйгурам посвящены работы — о земледелии у уйгуров Туркмении в конце XIX — начале XX в., некоторых традиционных социальных институтах у советских уйгуров и дунган (1980), современных этнических процессах у советских уйгуров (в соавторстве с А.Н. Седловской и Г.М. Исхаковым), достижениях советских ученых в историко-этнографическом изучении советских уйгуров (1983, совместно с Г.М. Исхаковым, С.Г. Кляшторным, Р.Р. Рахимовым), об уйгурах в Таджикистане, обрядах детства и воспитании детей в традиционной культуре уйгуров. Желанный гость на Среднеазиатско-Кавказских чтениях, он докладывал аудитории этих научных собраний о калмыках, татарах, евреях-мусульманах в Средней Азии. За час до своей кончины он говорил по телефону с Ю.Ю. Карповым о готовности текста статьи для Лавровского сборника (к столетию со дня рождения Л.И. Лаврова), названной «Заметки о среднеазиатском и северокавказском этнонационализме. Не пора ли вернуться в лоно научных исследований?». Эту небольшую страстно написанную работу, взывающую к возрождению научного подхода к проблемам этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Северного Кавказа, к трезвой научной оценке абсурдных националистических идей, рождающихся в головах некоторых «политических диктаторов», можно считать одним из пунктов завещания ученого. Вспоминается статья А.М. о Н. Рерихе, в которой он приводит слова замечательного художника и солидиризуется с ними: «Шовинизм — очень опасная эпидемия. Национализм, понимаемый в виде шовинизма, прежде всего отражается в искусстве и науке и приносит с собой не рост, но разложение».

Ряд работ А.М. выдает его интерес к проблемам изучения семейно-брачных отношений: статья «Об использовании фольклора для изучения ранних форм семейно-брачных отношений» (в сборнике «Фольклор и этнография» в честь 70-летия Б.Н. Путилова), работы об отношении к женщине в до- и послеродовой период, об одной древней форме брака, к интерпретации обычая возвращения новобрачной домой (у народов Китая).

Интерес к проблемам развития человеческого общества вылился в создание по инициативе А.М. Решетова двух сборников «Охотники, собиратели, рыболовы» (1972 г., с введением, написанным А.М. — редактором сборника) и «Ранние земледельцы» (1980 г., где А.М. написана статья «Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев», и он же вместе с Н.А. Бутиновым — редактор сборника). Предполагалось создание третьей книги — о возникновении скотоводства, но с этой задачей в одиночку справился москвич В.А. Шнирельман, и А.М. Решетов (вместе с Д.Г. Савиновым) откликнулся на его фундаментальное исследование «Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема)» рецензией.

Сотрудники моего почтенного возраста помнят жаркие баталии, разворачивавшиеся в 60-е гг. прошлого века в нашем Институте, руководимом Л.П. Потаповым, на философском семинаре по проблемам истории первобытности между приверженцами марксистской теории во всех ее деталях (с признанием изначальности матриархата, преувеличением роли рода в противовес общине и пр.) и теми, кто не был согласен с этими «деталями». Эти разногласия имели печальные последствия для научных «еретиков» — В.Р. Кабо и особенно Н.А. Бутинова (как члена КПСС обязанного хранить верность марксистскому учению, невзирая на накопление новых этнографических данных, не укладывавшихся в созданное до их появления учение). А.М. горячо поддерживал коллег, терпевших гонения, и сделал все от него зависящее, чтобы спасти Н.А. Бутинова от изгнания из партийных рядов (что механически означало бы в то время изгнание и из науки). А свою солидарность с теми, кто боролся с догматизмом в отечественной науке проявил, написав благожелательную рецензию (1971) на изданный Институтом всеобщей истории сборник «Проблемы истории докапиталистических обществ» (чудом прорвавшийся сквозь цензуру времени тотального единомыслия), в котором были опубликованы статьи ленинградских этнографов-вольнодумцев.

Для XIV Тихоокеанского конгресса в Хабаровске (1979) А.М. подготовил (в соавторстве с С.А. Маретиной и А.И. Мухлиновым) доклад на тему «Взаимосвязи природной среды, хозяйства и социальной организации у народов Юго-Восточной Азии», для IX МКАЭН (Банкувер, 1983) — доклад «Роль традиционных социальных институтов в современной жизни (на примере азиатских народов)». В Томске в 1990 г. выступил с докладом «Актуальность изучения дорелигиозного сознания людей» (на конференции «Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников»).

А.М. не только сам генерировал массу идей, касавшихся направления этнографических исследований в нашем учреждении, но и уважительно относился к предложениям коллег и вовлекал в их воплощение сотрудников руководимого им сектора Зарубежной Азии — так появились сборники, посвященные проблемам социализации детей в странах Азии, а также традиционному этикету у азиатских народов, состоянию этнографической науки в странах Азии, этническим процессам в странах Юго-Восточной Азии, типологии жилища, пищи, одежды народов Азии.

Он вступил в ряды гуманитариев, увлекшихся ареальными исследованиями, и в сборнике по материалам конференции «Ареальные исследования в языкознании и этнографии» появилась его статья «Проблемы реконструкции маргинальных ареалов в Китае» (1975). И т.д. и т.п.

Александр Михайлович испытывал глубокий интерес к этнографии русских и внес свою лепту в ее изучение. На Лавровских чтениях в МАЭ он выступил с докладом (опубликован в сборнике по материалам чтений в 1997 г.) на тему «Поселок Глубокий Ростовской области. Эскизы к историко-этнографической характеристике», указав как соавторов своих брата и сестру, живших до конца своих дней в поселке, где он сам родился и вырос (и который покинул в 1951 г.). На II Международном конгрессе этнографов и антропологов России (Уфа, 1997) А.М. сделал доклад «Проблемы этнографического изучения российского зарубежья». В томе «Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века» написал глубокую статью о творчестве Зеленина. И там же — замечательная статья о Н.Н. Чебоксарове, любившем Александра Михайловича как сына

Большое внимание уделял А.М. нашему музею, истории его образования (статья в соавторстве с Т.В. Станюкович «К столетию создания этнографического и антропологического центра в Академии наук» в 35-м томе Сборника МАЭ), хранящимся в его фондах коллекциям. Выше уже говорилось о работах А.М., в которых освещаются тибетские, китайские и по малым народам Китая, а также дунганские и уйгурские собрания. По его инициативе и при его участии родилась статья «Формирование и исследование фондов МАЭ по Юго-Восточной Азии» (соавтор Е.В. Иванова) в Сборнике МАЭ (1996).

Из последних его работ на «музейную тему» следует назвать статью «Подарок Далай-ламы XIII», в которой речь идет о знаменательном событии — преподнесении С.Ф. Ольденбургу духовным главой Тибета бронзовой статуэтки Майтреи, переданной ученым нашему музею. Статья эта увидела свет в журнале «Курьер Петровской Кунсткамеры»

(2004), а в переводе на английский язык — в журнале *Manuscripta Orientalia* (2005). Отмечу попутно, что это не первое обращение Александра Михайловича к описанию предметов буддийского искусства в отечественных музеях (была статья 1973 г. о тибетской коллекции с разделом, посвященным буддийской скульптуре, и был доклад на Всесоюзной буддологической конференции «Буддийские коллекции в этнографических музеях Ленинграда» (1987).

Следует признать, что особенно поразительны достижения Александра Михайловича в историографии отечественной этнографии и смежных наук. Эта область научной деятельности была особенно близкой его уму и сердцу, оказалась его призванием.

Насколько я помню, А.М. всегда был озабочен тем, чтобы каждое значительное музейное или научное событие, имевшее «разговорный» характер, оставило след в истории науки, и с большим рвением исполнял роль хроникера или искал человека, на которого можно было бы взвалить эту ношу. Ход многих конференций, будь то конференция по историографии и источниковедению Азии и Африки, или сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований, или годовая сессия в ЛО ИЭ, или всесоюзная тюркологическая конференция и т.д., был запечатлен им на страницах отечественных или зарубежных журналов. В 1989 г. он осветил содержание докладов на четвертой академической конференции Китайского этнологического общества, состоявшейся в Пекине, и т.д.

Красной нитью через все творчество А.М. начиная с первой публикации в 1963 г. проходит интерес к научной деятельности Н.В. Кюнера. Благодаря более глубокому знакомству с опубликованными трудами Николая Васильевича и оставшимися в рукописи, А.М. создает в последующие годы (шесть публикаций за период с 1965 по 2008 гг.) все более полное представление о многогранном научном наследии ученого, мечтает о написании книги о нем. В знак благодарной памяти об ученом, чей портрет украшает стену кабинета, в котором трудятся сотрудники отдела Восточной и Юго-Восточной Азии (и главой которого многие годы был А.М. Решетов), к столетию со дня его рождения в 1977 г. А.М. основывает Кюнеровские чтения, с тех пор ежегодно проводимые. А.М. трепетно относился к судьбе этого своего «детища», заботился об участии в работе чтений коллег из университета, Института востоковедения, приглашал ученых из Москвы и других городов. Скромного вида, но весьма содержательные сборники (по материалам докладов) останутся памятником и учителю (Н.В. Кюнеру), и его преданному ученику.

Александр Михайлович стремился привлечь внимание этнографов к творчеству больших ученых, которые формально этнографами не были, но из трудов которых можно получить богатейшую информацию о традиционной и древней культуре азиатских этносов.

Он пишет ряд статей о выдающихся востоковедах — В.М. Алексееве, Б.Я. Владимирове, Н.А. Невском, В.В. Бартольде, В.В. Голубеве и др., археологах — С.И. Руденко, А.П. Окладникове, А.А. Семенове, П.И. Борисовском и многих других, в которых показывает ценность их работ для этнографической науки

А.М. показывает источниковедческое значение для этнографии произведений художника Н.К. Рериха (на похоронах А.М. говорилось о его роли в возникновении музея Рериха в нашем городе), а в сборнике «Старый Петербург» (1982) помещает статью «Произведения русских художников XVIII — начала XIX в. как источник для изучения культуры и быта населения Петербурга (к постановке вопроса)».

Публикует статью за статьей о бывших директорах МАЭ — Л.И. Шренке, В.В. Радлове, Е.Ф. Карском — и директорах Института этнографии — Н.М. Маторине, Л.П. Потапове, Р.Ф. Итсе, Л.М. Сабуровой, Ю.В. Бромлее. Читатель узнает из этих работ много интересного не только об ученых, которым они посвящены, но и о самом авторе, его взглядах на жизнь, человеческие отношения, эпоху. В книге 2003 г., посвященной Ю.В. Бромлею, опубликована статья А.М. «О Бромлее, о прожитых годах и о нас, грешных (заметки с элементами полемики)». А.М. спорит с коллегами, преданно служившими директору Института при его жизни и резко отозвавшимися о нем после его смерти (а это уважаемые А.М. Решетовым С.И. Брук и В.Н. Басилов). Не скрою, я совсем недавно прочитала эту статью и нашла в ней неожиданные пассажи. А.М. защищает Ю.В. Бромлея от обвинений со стороны В.Р. Кабо, прозвучавших в мемуарах «Дорога в Австралию», в безучастности к его судьбе (Кабо, пять лет отсидевшего в Каргопольском лагере и после реабилитации 20 лет работавшего в ИЭ в Ленинграде, не пускали за границу, как, впрочем, и потом, когда он перебрался в Москву и ожидал помощи от Бромлея, с которым учился на одном курсе в Московском университете). А.М. со знанием дела пишет о том, как Юлиан Владимирович специально приезжал в Ленинград и вел переговоры в соответствующих партийных инстанциях (кандидатура Кабо не устраивала выездные комиссии райкома и Обкома КПСС), ему обещали вернуться к этому вопросу, но не возвращались. И далее — цитирую по тексту А.М.: «Таково было время. Я пишу эту фразу не для оправдания тоталитарного и могучего режима — я его осуждаю теперь открыто не мень-

ше, чем В.Р. Кабо, но тогда я признавал свое полное бессилие перед ним» (конец цитаты). То есть А.М. с горечью относился к происходившему в нашем обществе и ощущал личную ответственность за это. Между прочим, он сообщает в этой же статье, что и сам был невыездным (этот факт его биографии для меня необъясним) и пишет следующее: «Я не скажу, что Бромлей не пытался помочь мне стать выездным, но его усилия увенчались только в одном — для меня в 1982 г. открыли Монголию, и я в 1882–1988 гг. возглавлял этнографический отряд советско-монгольской комплексной экспедиции».

А.М. исследовал творчество многих ученых, работавших в МАЭ в разные годы XX в. — С.Ф. Ольденбурга, А.И. Иванова, А.Д. Руднева, собирателей коллекций, хранящихся в Кунсткамере (Ц.Ж. Жамцарано и др.), коллег из других учреждений Петербурга, Москвы, России, Советского Союза.

Уделяя внимание ученым — своим современникам, А.М. стремился сделать их достижения известными там, где живут изучаемые ими народы, — написав статью о вьетнамисте А.И. Мухлинове, организовал ее перевод на вьетнамский язык и публикацию во Вьетнаме и т.д. Он вспомнил о 80-летию Б.Я. Волчок, наступившем спустя много лет после ее отъезда в Америку (и к тому времени уже покойной), отметил статьей 70-летие В.Р. Кабо, жившего и работавшего в это время в Австралии (и скончавшегося через неделю после Александра Михайловича).

Особое внимание уделил А.М. тем ученым, которые оказались в эмиграции и которых за это в советское время не полагалось вспоминать. На III конгрессе этнографов и антропологов России прозвучал его доклад «Труды российских ученых эмигрантов XX в. как часть истории отечественной этнографии» (1999). Благодаря усилиям А.М. (члена коллектива составителей и редакторов) в 2001 г. во Владивостоке вышли «Избранные работы и материалы» одного из ярчайших представителей российской науки за рубежом — С.М. Широкогорова. За год до этого на китайский язык была переведена совместно с Е.В. Ревуненковой написанная статья о Широкогоре как исследователе шаманизма, а в 2003 г. — статья об этапах творчества этого ученого появилась в журнале «Этнографическое обозрение». И это лишь один из примеров его глубокой сосредоточенности на выполнении поставленной задачи.

Еще более остро ощущал А.М. свой человеческий долг перед учеными — жертвами политического террора, вычеркнутыми из списков служителей отечественной науки. Для скорейшего их возвращения «из небытия» он не жалел ни сил, ни времени. А.М. заложил фундамент того, что стало именоваться «репрессированной этнографией» и вернул

в историю российской науки деяния многих ученых. Его многочисленные статьи о жизни и творчестве этих людей невозможно читать без душевного волнения. Пронзительны строки о душевных терзаниях, казалось бы, такого преуспевающего ученого как Н.Н. Чебоксаров (в книге «Выдающиеся антропологи XX века»). А.М. близко знал этого жизненнолюбивого человека, пережившего семейную драму и проведшего жизнь под грузом тяжелых воспоминаний — его отец был расстрелян в 1937 г. и брат репрессирован.

А.М. зачитывался перепиской больших ученых друг с другом (Н.А. Невского со Л.Я. Штернбергом, П.Г. Богатырева с Д.К. Зелениным, письмами Ц.Ж. Цамцарано к Б.Я. Владимирцову, С.Ф. Ольденбургу, письмами Б. Пилсудского Л.Я. Штернбергу и др.), публиковал и комментировал ее, показывая, сколь важную информацию из нее можно почерпнуть — о взглядах на научные проблемы, волновавшие авторов писем, научной атмосфере минувшего времени, судьбе ученых. Ценность этого источника он обосновывал в докладе «Письма как этнографический источник» на III Санкт-Петербургских этнографических чтениях (2004).

Авторитет А.М. как знатока истории отечественной этнографии привел к тому, что без его участия не обошлись не только российские энциклопедии. Он был приглашен в авторский коллектив зарубежного издания — в *International Dictionary of Anthropologists* (General Editor Christopher Winters. N.Y.; L., 1991), и его статьи о 55 ученых были вписаны в «международный контекст».

Я уже говорила в начале статьи, что эта работа захватила А.М., стала главным делом его жизни в последние 2–3 десятилетия. Из разрозненных статей о деятелях отечественной науки он задумал создать Энциклопедию антропологов и этнографов XX века, которая должна была создать панораму всех достижений в этих науках, принадлежащих россиянам, независимо от того, где они в силу разных обстоятельств жили и работали. Не обретшая законченной формы, эта громадная и чрезвычайно ценная работа должна быть завершена, увы, уже без самого А.М.

К 75-летию А.М. был издан сборник статей, написанных учеными, испытывавшими к юбиляру глубокое почтение и искреннюю симпатию. На его кончину отозвались некрологами В.А. Попов, А.А. Бурькин, Е.В. Ревуненкова, Е.В. Иванова. Но А.М. заслуживает гораздо большего внимания — как масштабная личность и как ученый, самозабвенно отдававший себя служению этнографической науке.

А.М. не был однолюбом. Его другой — помимо науки — страстью был балет. Об этом лучше расскажут гости, горевшие той же страстью

и читавшие А.М. как тонкого ценителя и потрясающего знатока этого замечательного искусства.

Как-то свою статью о творчестве одного выдающегося ученого А.М. Решетов закончил словами поэта, которых заслуживает и он сам: «Природа-мать, когда б таких людей ты иногда не посылал миру, заглохла б нива жизни».